

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Высокий блондин в белом костюме	7
II. Печаль живет три года	51
III. Внутренний ребенок	113
IV. Значение смерти сильно преувеличено	165
V. Цветение боярышника	203
<i>Избранная библиография</i>	251

Книга, которую вы держите в руках, — это роман. Все факты здесь подлинные. Выдуманы мной чувства, мысли, диалоги. Хотя речь скорее о догадках и предположениях, чем о выдумке в прямом смысле слова: я искала подходящие друг другу кусочки мозаики, складывая общую картину из сведений, обнаруженных мной в огромном количестве эссе, биографий, интервью, каталогов и статей, опубликованных как о Дэвиде Хокни, так и им самим. Я предлагаю читателю портрет, являющийся моим собственным видением его жизни и его личности, пусть и вдохновленный Хокни, его словами и его творчеством. Надеюсь, что художник воспримет эту книгу как дань моего почтения.

Почему Хокни? Я никогда с ним не встречалась. Странно вторгаться в жизнь живого человека, превращая ее в роман. Но, скорее, он вторгся в мою жизнь. Меня страстно увлекло то, что я прочитала о нем. Его свобода привела меня в восхищение. Документальные материалы, позволяющие читателю видеть лишь внешнюю сторону событий, мне захотелось представить как рассказ, проливающий свет на внутренние побуждения художника, приведшие к этим событиям, рассмотреть их сквозь призму самых важных вопросов: любви, творчества, жизни и смерти.

I

**ВЫСОКИЙ БЛОНДИН
В БЕЛОМ КОСТЮМЕ**

Его отец был убежденным пацифистом. Он видел, что сделала Первая мировая война с его старшим братом, который попал в газовую атаку и вернулся домой еле живым, превратившись в ходячего мертвеца. В 1939-м он активно выступал против новой войны. Он потерял работу, лишился права на государственную помощь, нажил множество врагов и навлек на себя презрение соседей. «Дети, пусть вас не волнует, что думают соседи». Это стало большим жизненным уроком для его четырех сыновей и дочери.

У него не было денег, но были золотые руки. Он собирал на свалке старые ломаные детские коляски, которые чинил, приводил в порядок, и они получались как новенькие. После войны он стал делать то же с велосипедами. Для маленького Дэвида не было ничего прекраснее момента, когда проволочная щетка в руках отца вступала в соприкосновение с рамой велосипеда. В одно мгновение, как по волшебству, ржавый металл становился ярко-красным. Мир изменял свой цвет.

Он гордился своим отцом, «настоящим художником» — как, сдвинув брови, говорила мать. Изобретательным настолько, что он умудрялся элегантно

одеваться, не тратя при этом ни гроша: на свои воротнички и галстуки он наклеивал бумагу, разрисованную узорами в полоску или в горох ярких цветов. Дэвид восхищался его находчивостью. Вернув к жизни велосипеда, Кен давал объявление в газету, где указывал адрес сарайчика рядом с их домом, вытаскивал на улицу кресло и уютно устраивался в ожидании покупателей с журналом в руках, под зонтиком — если шел дождь: это был его магазин. В день, когда отец взялся заново выкрасить дом, он набил на двери листы фанеры, на которых изобразил закат солнца. Мальчик мог рассматривать их бесконечно.

Дэвид сохранил смутное воспоминание о самолетах, пролетавших над головой, и о том дне, когда его эвакуировали вместе с двумя братьями, старшей сестрой и беременной на девятом месяце матерью, но он не помнил ни об ужасе старшего брата — тот до боли сжимал руку матери во время бомбардировок, умоляя: «Пожалуйста, мамочка, помолись за нас», — ни о бомбе, после взрыва которой рухнули многие дома на их улице, а в тех, что устояли, вылетели стекла — во всех, кроме их собственного дома. Детство он провел, играя на улице с братьями и сестрой, убегая гулять в лес, катаясь на велосипеде по деревенским дорогам, сидя на уроках катехизиса в воскресной школе — он проводил их, зарисовывая на листке бумаги то, что услышал

прежде на мессе: Иисуса, шествующего по водам; Иисуса, воскрешающего мертвых, — в скаутском лагере, где вел бортовой журнал с набросками, изображавшими их занятия. По субботам отец водил их в кино посмотреть на Супермена, Чарли Чаплина или Лорела и Харди. Он покупал самые дешевые билеты по шесть пенсов, на места в трех первых рядах, и экран был так близко, что у Дэвида возникало ощущение полного погружения в события фильма. На Рождество они ходили в театр Альгамбра, где надрывались от хохота над пантомимами. По воскресеньям им разрешалось приглашать друзей к чаю, который устраивала его мать. Дом наполнялся восхитительным запахом свежеиспеченных пирогов, стол ломился от булочек, мини-сэндвичей и варенья, из кухни раздавался звонкий смех детей, которые могли объедаться в свое удовольствие, подходя за четвертым, пятым или шестым куском.

Дэвид даже не знал, что они были бедны. Самое большое его удовольствие ничего не стоило: сесть в автобус (бесплатно), подняться на второй этаж и постараться занять местечко спереди: рядом с господином, пускавшим дым ему в нос, или с пожилой дамой, которую он, вежливо извиняясь, заставлял убирать с сиденья сумку с провизией. Сквозь огромное стекло он смотрел на улицу и простиравшийся вдаль

пейзаж. Подростком он вновь переживал то же удовольствие, отправляясь на велосипеде до самой вершины холма Гэрроуби по дороге, ведущей с фермы, где он работал два лета подряд: с высоты он мог видеть всю Йоркскую долину, беспрепятственно любоваться панорамой с углом обзора 160 градусов. Разве могло быть что-то прекраснее этого?

Он не испытывал недостатка ни в чем, кроме бумаги. Для мальчика, так любившего рисовать, послевоенный дефицит ее создавал проблему. Он заполнял рисунками поля всего, что ему попадалось под руку: книг, тетрадей, газет, журналов с комиксами. Время от времени кто-то из его братьев восклицал с возмущением: «Ты снова зачиркал своими каракулями все подписи в комиксах! Теперь их невозможно прочитать!» Можно ли было проводить свою жизнь, рисуя? Да, если ты был художником. А кто считался художником? Тот, кто занимался изготовлением рождественских открыток и киноафиш. В их городе было сорок кинотеатров, и афиши были повсюду. Дэвид внимательно всматривался в мужчину, склонявшегося к женщине на фоне заходящего солнца: он чувствовал, что способен сделать так же или даже лучше. А вечером или в воскресенье после церкви он мог бы рисовать что захочется, просто для себя. После оплаты счетов, если повезет, у него оставалось бы

немного денег на бумагу. Какая прекрасная это была бы жизнь.

Об этом мечтал маленький Дэвид.

Он не просто был мечтателем, но и хорошо учился: получил стипендию на обучение в лучшем колледже города. В школе его любили, потому что он был веселым и классно рисовал. Когда товарищи просили его создать плакат для школьного клуба, он никогда не отказывал. Эти работы вешались на доску в школьном вестибюле, ставшем для него личным выставочным залом. Их часто воровали, что ему было даже приятно. На занятиях, вместо того чтобы записывать за учителем, он рисовал. Однажды, когда учитель английского языка попросил его прочитать вслух заданное всем сочинение, он ответил, что ничего не написал, но «сделал вот это» — продемонстрировав собственный автопортрет в виде мастерски выполненного коллажа, на который он потратил все отпущенное на задание время. На мгновение в классе повисло напряженное молчание, а потом учитель воскликнул: «Но это восхитительно, Дэвид!»

Это было счастливое детство. Разумеется, он дрался с братьями, ругался с друзьями и бывал несправедливо наказан. Обида проходила быстро. До четырнадцати лет он не знал, что в мире существует глупость.

Ему было почти четырнадцать, когда директор колледжа написал его родителям, рекомендуя им отправить сына в художественную школу. Несмотря на то что Дэвид по уровню развития казался совершенно готовым к изучению гуманитарных наук в классическом лицее, было очевидно, что рисование — его главная страсть, в чем он имел несомненный талант. Он был безмерно признателен и директору, так хорошо это понявшему, и родителям, любившим его настолько, чтобы принять его переход в профессиональную — а значит, менее престижную — школу. Они записались на прием в Брэдфордскую художественную школу, показали его рисунки, и он был принят. Поскольку он был стипендиатом, оставалось лишь получить разрешение главы городского образования. Ответ пришел через месяц: «После внимательного изучения представленных документов комитет считает, что в интересах вашего сына будет завершить курс общего образования, прежде чем специализироваться в искусстве».

Это решение не подлежало никакому пересмотру. Дэвиду пришлось ходить в лицей, в который его определили, и в течение двух лет, с утра до вечера, корпеть над математикой, английским, историей, географией, французским и химией. И никаких занятий по искусству, разумеется, не предвиделось. Родители как

могли пытались его утешить: два года пройдут быстро. Дэвид еще никогда не испытывал такой ярости. Для бюрократа, подписавшего это письмо, два года значили не более, чем две секунды, потраченные им на подпись. Кто позволил этому человеку, которого он и в глаза не видел, решать его судьбу? Уж он показал бы этому фашисту, на что способен. Юноша перестал заниматься: отметки покатались вниз, количество замечаний росло. Ему было на это плевать. Пусть его исключат и лишат стипендии. Пустая трата денег, как говорили преподаватели. Тем лучше. Но о нем заботился ангел-хранитель: мать, не пытавшаяся его урезонить. Она отправилась к жившему с ними по соседству преподавателю Брэдфордской художественной школы и спросила, не согласится ли он давать бесплатные уроки ее сыну. Ученик был одаренным, и профессор согласился. Еженедельные занятия по вечерам стали для него столь необходимой отдушиной, и отметки снова пошли вверх.

Иногда днем, вместо того чтобы делать домашние задания, Дэвид ходил в кино. Он нашел способ проникать в зал бесплатно: караулил у выхода, пока кто-то не откроет дверь, и входил в помещение, пятась задом, чтобы создать впечатление, будто он выходит. Однажды, будучи поглощен американским триллером с Хамфри Богартом, он не заметил типа, устроившегося